

Пролог

ТОГДА

Все дело в том, что я не хочу, чтобы мой психоаналитик счел меня сумасшедшей. Поэтому я скрываю это чудо за ложью, которая льется из меня без запинки.

— Этой ночью мне снилась ваза.

— Опять? — спрашивает он.

Я киваю — под моей головой пискнула кожаная обивка.

— В точности та же самая ваза?

— Всегда одна и та же.

Его ручка со скрипом забегала по бумаге.

— Опишите мне ее, Зои.

Мы уже проделывали это с десяток раз, доктор Ник Роуз и я. Мой рассказ никогда не отличается от предыдущих, но я всегда иду навстречу его просьбе. Или, возможно, он идет мне навстречу. Я это делаю, потому что меня преследует ваза, он — потому что хочет купить яхту.

Обивка на кушетке собирается складками, когда я откидываюсь, выпивая его взглядом так, как пьют утреннюю чашку кофе. Маленькими глотками, смакуя. Он разместился в удобном потертом кожаном кресле, отполированном его массивным телом до приятного глазу блеска. У него крупные ладони, созданные совсем не для кабинетной работы. Короткая практичная стрижка. Темные глаза, как и у меня. Такие же волосы. На голове шрам, который ему не видно в зеркале. Интересно, когда Ник Роуз один, он щупает его

пальцами или вообще о нем не вспоминает? Загорелая кожа — в помещении он проводит немного времени. Но где бы он смотрелся наиболее естественно? Наверное, не на яхте. Скорее всего, на мотоцикле. Представляя его восседающим на байке, я внутренне улыбаюсь. Но внешне я серьезна. Если я позволю своей улыбке просочиться наружу, он сразу же начнет меня об этом спрашивать. Хотя мне придется делиться с ним своими мыслями, я не посвящаю его во все секреты.

— Карамель. Так можно назвать ее цвет. Такое ощущение... как будто она для меня создана. Когда я во сне протягиваю руки, пытаюсь взять вазу, ее ручки идеально ложатся мне в ладони. У вас был в школе ученик, уши которого торчали в стороны вот так?

Я сажусь прямо, убираю волосы за уши и оттопыриваю их под прямым углом, пока не становится больно.

Его губы дернулись. Он сдерживает улыбку. Я вижу эту внутреннюю борьбу: допустим ли в рамках профессиональной деятельности смех? Не сочтет ли она это сексуальным домогательством? «Смейтесь, — хочу я ему сказать, — пожалуйста».

— Я и был таким учеником.

— Правда?

— Вообще-то, нет.

Улыбка вырывается наружу, и я тут же забываю про вазу. В этой стеснительной улыбке нет ничего особенного, но она адресована мне. Вдруг я обнаруживаю у себя в голове тысячи вопросов, направленных на изучение его личности так же, как и он исследует меня.

— У вас бывают повторяющиеся сны? — спрашиваю я его. Улыбка покидает его губы.

— Я не помню. Вообще-то, мы говорим о вас.

Правильно. Не нужно потакать моему любопытству.

— Ваза, ваза... Что еще вам о ней рассказать?

— Есть на ней какие-нибудь отметины?

Мне не нужна пауза, чтобы подумать, я и так знаю.

— Нет, совершенно ничего.

Мои плечи ломит от напряжения.

— Вот, собственно, и все.

— Какие чувства вызывает у вас эта ваза?

— Страх. — Я наклоняюсь вперед, локти вдавливаются в колени. — И любопытство.

A black and white illustration. On the left, a woman with long hair is blindfolded with a cloth. She holds a large, detailed ear of grain, possibly wheat or barley, in her hands. On the right, the head of a horse is shown in profile, looking towards the woman. The background is dark and textured, suggesting a natural setting like a field or barn. The overall style is that of a woodcut or a detailed pencil drawing.

Часть первая